СЕДЬМОЙ ЭТАЖ СЛУШАЕТ

АСЯ ХЕЙЛ

Ася Хейл

Седьмой этаж слушает

«Автор»
2026

Хейл А.

Седьмой этаж слушает / А. Хейл — «Автор», 2026

Когда школьная скрипка выходит из строя, пятнадцатилетняя Нина почти прощается с важным прослушиванием. Но у Арсения с седьмого этажа есть инструмент, который принадлежал его деду. И условие, которое нельзя нарушать.В его квартире старые кассеты хранят голоса, за стенами звучат чужие жизни, а Нине впервые хочется не только играть, но и слушать. Только шанс уехать учиться слишком близко. Она решает, что один раз можно сделать по-своему.После этого приходится считать не такты, а стоимость ремонта. Искать слова, которые не станут оправданием. И учиться возвращать доверие без уверенности, что тебя снова захотят услышать.

© Хейл А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 17
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Седьмой этаж слушает

Глава 1

Софья Михайловна просит оставить скрипку открытой.

Я уже убираю смычок, ослабив волос. Приходится снова положить его на бархат. На крышке футляра торчит угол моего расписания: понедельник, специальность, шестнадцать ноль-ноль. Всё пока на месте — мостик в кармашке, канифоль в треснувшей коробочке, две карандашные галочки у трудного перехода. Только преподавательница не открывает ноты.

— Мы договаривались на первое марта, Нина.

— Я думала, вы её просто посмотрите.

— Посмотрит мастер. Я уже посмотрела.

Она присаживается рядом, забирает у меня тряпочку и проводит ею по нижней деке. Там под лаком темнеет школьный номер. Я научилась ставить четвёртый палец раньше, чем запомнила его, а теперь могу узнать эту скрипку со спины среди двадцати одинаковых.

— У вас кивнула шейка. Я тебе показывала в феврале. До обслуживания заниматься на ней дома нельзя.

— Но я же играю нормально.

Софья Михайловна поднимает глаза. Я знаю этот взгляд: он бывает, когда я называю нормально сыгранным место, которое один раз получилось со второго захода.

— Сегодня ты трижды подстраивалась. Проблема не в твоём слухе.

— Тогда дайте другую.

Слова выходят быстрее, чем я успеваю придумать вежливое начало. Софья Михайловна встаёт, открывает высокий шкаф за пианино. На полках лежат три футляра. Я смотрю на них с такой надеждой, что она даже не сразу продолжает.

— Половинка, три четверти и инструмент Кирилла. Он забирает его после хора. Полноразмерной запасной сейчас нет. Можно приходить по вторникам к половине пятого, до его урока. Я поговорила с мамой.

— Полчаса?

— Сорок минут.

Сорок минут вместо двух часов дома. Пока разыграешься, пока доберёшься до концерта, уже придёт Кирилл со своей матерью и будет стоять в двери. Я вижу это заранее, как вижу в нотах приближающийся пассаж: ещё ничего не случилось, а правая рука уже тяжелеет.

— И долго так?

— Зорин забирает инструменты в пятницу. Попросим сделать твою раньше. Но срок за него я обещать не могу.

На подоконнике лежит распечатка с гербом областного училища. Когда Софья Михайловна снимает очки, я переворачиваю лист. Оркестровые струнные инструменты. Требования. Крупная форма, этюды, гаммы, пьеса. Всё то, что мы играем и что будет слушать другой человек, не знающий, сколько раз я возвращалась из школы в темноте, с пустым животом, лишь бы успеть на лишний урок.

— Это вам?

— Нам с тобой. Положи в папку.

— А как мы будем?

Она придерживает открытую дверь шкафа, будто тоже ещё не решила, закрывать её или нет.

— Будем искать. Пока — работа с текстом, слух, ритм. И короткие занятия здесь. Завтра после сольфеджио подойди ко мне.

Мне хочется сказать, что искать нужно было раньше. В феврале, когда она впервые показала отцу шейку. В январе. До того, как я рассказала в общеобразовательной школе, куда собираюсь после девятого. Но в феврале я сама попросила оставить скрипку до академического концерта, и отец при этом стоял рядом. А потом было ещё одно выступление, последнее перед ремонтом, и я очень хотела участвовать.

Я снимаю свой мостик. Он складывается в ладони, маленький, лёгкий, совершенно бесполезный без скрипки.

Внизу Рита ждёт у батареи. Она расстелила на коленях нотную тетрадь и карандашом чертит тактовые черты. На одной ноге кроссовок, на другой только носок — второй кроссовок сушится, прислонённый к трубе.

— Ты сегодня быстро, — говорит она. — Поможешь диктант разобрать?

Я показываю пустые руки.

— Забрали.

Она поднимает голову.

— Насовсем?

— На обслуживание. Срок неизвестен.

Рита освобождает мне половину скамьи, собирая тетради в кучу. Мы учимся вместе семь лет, и раньше я никогда не завидовала тому, что у неё дома пианино. Оно старое, с тугой педалью, по вечерам через стену стучат. Его нельзя принести сюда, нельзя убрать под кровать. Зато никто не может попросить сдать его в пятницу вместе с футляром.

— У моей мамы сотрудница продавала, — говорит Рита. — Скрипку. Осенью.

— За сколько?

— Я не помню. Спрошу.

— Спроси.

Я наклоняюсь к её тетради, хотя слышу записанную мелодию плохо: в коридоре кто-то хлопает дверью, за стеной стучат младшие ударники, а у меня в голове всё ещё тянется моя ля, которую на уроке пришлось исправлять три раза.

— Тут не четверть, — говорю я. — Ты лигу потеряла.

Рита выдыхает и стирает. Она не обещает, что всё обязательно найдётся. От этого рядом с ней сейчас легче.

На улице я машинально поворачиваюсь боком между двумя женщинами у остановки, чтобы не задеть футляром. Потом вспоминаю, что футляра нет. Правое плечо поднимается без тяжести, ремень школьного рюкзака соскальзывает, и приходится ловить его у локтя.

Дома отец стоит на табурете перед кухонным шкафом. У него за ухом карандаш, на столе — снятая дверца. Я вытаскиваю из хлебницы булку, но он, не оборачиваясь, говорит:

— Суп на плите.

— Потом.

— Сейчас. Я руки домою, сядем.

Он заканчивает закручивать петлю и спускается. Карандаш падает ему за ворот, отец ловит его через футболку, вытряхивает на ладонь. Под ногтями у него светлые полоски пыли. Сегодня он был на замере: это видно по чистым ботинкам в прихожей и по тому, что ещё не устал молчать.

— Сдали? — спрашивает он.

Я киваю.

— Ну. Сделают.

Он наливает суп в две тарелки. Я беру ложку и оставляю её на краю.

— Рита спросит про скрипку. У знакомой.

Отец открывает холодильник, потом закрывает, ничего не взяв.

— Уточни цену. Посмотрим.

— Ты так говоришь, будто можно посмотреть и потом купить.

— А ты как предлагаешь? Заранее отказаться?

Я смотрю на дверцу шкафа. Отец мог бы купить новую, но третий раз переставляет петли, заделывает старые отверстия деревянными пробками и заново сверлит. На прошлой неделе я отдала ему список расходов на поступление. Дорога, занятия с концертмейстером, справки, фотографии. Он написал внизу общежитие и долго держал ручку над пустым местом.

— Мне нужно заниматься каждый день.

— Я знаю.

— Не сорок минут по вторникам.

— Нина, я знаю.

От его повторения становится стыдно, но не легче. Я ем суп слишком быстро, обжигаю язык и начинаю злиться уже на собственный рот. Отец не замечает или делает вид. Он рассказывает, что в доме на Лесной заказчики перенесли установку до конца месяца. Я киваю не там, где надо.

После ужина он достаёт телефон. Мы садимся по одну сторону стола и смотрим объявления. У всех скрипок красивые фотографии. Одни лежат на белой простыне, другие на ковре, у одной вместо четвёртой струны тянется пустое место. Отец увеличивает снимок.

— Это важно?

— Конечно.

Он убирает палец. Я чувствую, как резко ответила, и заставляю себя объяснить про струны, мостик, размеры. Но чем больше говорю, тем меньше подходит хоть одно объявление. У хороших нет цены, у дешёвых написано «для декора» или «разбираюсь плохо, осталось от родственников».

Мама звонит в половине девятого. У неё на заднем плане горит маленький кухонный светильник. За последний год я привыкла видеть её по пояс — так телефон стоит на сушилке — и всё равно каждый раз думаю, что она могла бы поставить его ближе.

Я не рассказываю про скрипку сразу. Спрашиваю, когда она приедет. Мама говорит: через две недели, после смен. Потом отец за моей спиной произносит, что инструмент сдали, и она начинает считать вслух какие-то деньги.

— Не надо, — перебиваю я. — Мы пока ищем. У меня ещё уроки.

Она замолкает.

— Хорошо. Покажешь потом математику? Если застрянешь.

— Покажу.

Телефон становится чёрным. В нём отражается наша кухня с дверцей, прислонённой к стене. Я знаю, что мама не перестала быть моей мамой, когда переехала. Знаю, что они с отцом теперь не ссорятся. Иногда мне даже нравится приезжать к ней одной и выбирать в магазине еду, которую отец не любит. Но сегодня хочется, чтобы ни один взрослый не говорил мне «посмотрим» издалека.

В комнате я ставлю на пюпитр концерт Акколаи. Вожу пальцами по краю стола: первый, третий, четвёртый. Между струнным звуком и этим стуком слишком большая разница. Минут через десять я начинаю решать геометрию, но через ещё десять ловлю себя на том, что считаю не углы, а дни до мая.

На следующий вечер я возвращаюсь после сольфеджио. Софья Михайловна успела узнать в двух школах: одна ждёт своего мастера, другая готова предложить только занятия в классе. У меня в кармане лежит бумажка со временем, когда можно приходить. Я уже представляю, как буду носиться через весь город между уроками.

Лифт занят. Его слышно наверху: створки разъезжаются с двойным стуком. Я поднимаюсь пешком, на четвёртом этаже расстёгиваю куртку. На площадке между шестым и седьмым кто-то сидит на подоконнике, придерживая ногой длинный тёмный футляр.

Сначала я вижу его, потом — Арсения Нестерова.

Он учится в параллельном классе. Мы здороваемся в лифте, иногда стоим в одной очереди в столовой. В декабре он держал двери, пока отец вносил домой длинные доски. Я помню его руки в чёрных перчатках с мокрыми пальцами. Больше, кажется, ничего.

— Привет, — говорю я.

— Привет.

Он отрывается от телефона. В подъезде пахнет краской: днём закрасили чьи-то надписи под почтовыми ящиками, и запах поднялся до самого верха.

— Это скрипка?

Арсений смотрит вниз, будто забыл, что придерживает.

— Да.

— Твоя?

Он не отвечает сразу. Нога сдвигается, подошва касается старой кожаной ручки. На футляре сбоку белеет длинная царапина, один замок перетянут узкой тесьмой.

— Деда, — говорит он.

Я вспоминаю невысокого седого мужчину, который летом ставил у подъезда складной стул. Осенью на седьмом этаже несколько дней было много людей. Отец ходил туда вечером и вернулся, не включив на кухне радио.

— А ты играешь?

— Нет.

Из лифта выходит женщина с пакетом картошки, и мне приходится вжаться в перила. Арсений поднимает футляр с пола, кладёт себе на колени. Теперь он держит его двумя руками.

— Слушай, — говорю я, когда женщина уходит вниз. — А можно посмотреть?

Он переводит взгляд с моих пустых рук на рюкзак. Я понимаю: он всегда видел меня с инструментом.

— Здесь?

— Нет. Где удобно.

Из квартиры наверху зовут:

— Сень, ты ключи нашёл?

Он отвечает, что нашёл, хотя сидит явно не из-за ключей. Потом встаёт, подхватывает футляр под мышку и освобождает мне дорогу к лестнице.

— Пойдём. Только мама сейчас собирается на смену.

Я делаю шаг вверх, мимо своего этажа.

Глава 2

Елена Нестерова стоит в прихожей с одним накрашенным глазом. Телефон у неё прижат плечом к уху, на ладони лежат две разные серёжки. Она смотрит на меня, на футляр и молча указывает в комнату.

Арсений проходит первым. Я снимаю обувь и остаюсь в носках на прохладном полу. Дверь в маленькую комнату открыта, за ней стоят коробки, сложенный столик и кресло, завёрнутое в простыню. В большой почти всю стену занимает шкаф. На нижней полке, между книгами, виден пустой прямоугольник с более светлыми краями.

— Оттуда? — спрашиваю я.

— Да. Мама хотела сфотографировать.

Он кладёт футляр на обеденный стол, но прежде убирает с него чашку и тетрадь. Я хочу помочь с замком, и наши пальцы сталкиваются над тесьмой. Арсений отнимает руку первым.

— Тут сломано, — говорит он. — Я сам.

Тесьма затянута двойным узлом. Пока он возится, я смотрю на полосу света под крышкой. Из неё пахнет тканью, пылью и чем-то знакомым — так пахнут старые нотные шкафы. Потом крышка открывается, и мне уже не хочется смотреть никуда, кроме скрипки.

Она темнее школьной. У подбородника лак стёрт до мягкого матового пятна; на краю верхней деки маленькая щербинка. Струны на месте, смычок закреплён в крышке. Бархат когда-то был зелёным, теперь у шейки вытерт почти до серого.

— Можно?

Арсений кивает.

Я беру скрипку за шейку и поддерживаю снизу. Она почему-то кажется легче, хотя размер тот же. Поворачиваю так, чтобы свет из окна упал на гриф. Струны не лежат на нём, подставка стоит ровно, насколько я могу судить. Заглядывать внутрь, искать надписи хочется, но я сдерживаюсь: не моё занятие сейчас, не моя скрипка.

— Он давно на ней играл?

— Летом. До больницы. По чуть-чуть.

Я достаю из рюкзака мостик. Арсений наблюдает, как я расправляю ножки, подгоняю высоту. Чтобы закрепить его, нужно перевернуть скрипку. Я делаю это привычно, и он чуть подаётся вперёд.

— Не уроню, — говорю я.

— Я ничего не сказал.

От этого замечания жарко становится сразу до ушей. Я ставлю скрипку под подбородок и осторожно провожу смычком по открытой ля. Нота ниже, чем должна. Приходится подстроить, понемногу, прислушиваясь. Арсений стоит слишком близко; я вижу в краю зрения его серую футболку и стараюсь не зацепить локтем.

— Можно вот сюда? — Он показывает на стул.

— Конечно.

Я отхожу от стола. Половица у двери тихо щёлкает под пяткой. Играю четыре длинные ноты, потом кусок гаммы. Соль не упирается в нос, как на школьной скрипке; ей хватает воздуха. Я веду смычок медленнее, пробую ещё раз. Звук остаётся в комнате после того, как я снимаю палец.

Елена появляется в дверях, уже в куртке. Серёжки на ней одинаковые, серебристые, с маленькими шариками.

— Нин, ты надолго? Мне убегать.

Я опускаю скрипку.

— Я хотела спросить… У меня школьную забрали в ремонт. Нельзя ли вашу на время? Я аккуратно. Софья Михайловна может посмотреть. Я учусь с семи лет.

Сказать всё сразу проще, чем остановиться после первого вопроса. Елена проводит пальцем по экрану телефона, заканчивает какой-то вызов.

— Мы вообще её продавать думали.

Арсений смотрит на мать.

— Мы не решили.

— Я и говорю: думали.

Она проверяет карманы куртки, находит ключи в правом и перекладывает в левый.

— Она старая. Я не знаю, чего от неё ждать. Папа последние годы мастеру не носил. Говорил, всё хорошо. Но он и очки новые покупать не хотел.

Я удерживаю смычок на весу. Его кончик начинает дрожать, и я прижимаю палец к трости.

— Мне только заниматься дома. Я могу возвращать каждый вечер.

Елена уже поворачивается к сыну:

— Сень, ты что думаешь?

До этой секунды я жду решения от неё. От взрослого, который отвечает за квартиру, счета, старые вещи. Арсений сидит, упершись локтями в колени, и смотрит не на мать, а на скрипку у моего плеча.

— Пусть здесь играет.

— У нас? — уточняет Елена.

— Пока у нас.

Мне хочется возразить: зачем, если мой дом на один этаж ниже? Я собираюсь заниматься утром до школы, вечером после ужина, иногда по полчаса между заданиями. Здесь так нельзя. Но я всё ещё держу в руках эту скрипку, и начать спор прямо сейчас было бы слишком опасно.

— Я после школы могу. С четырёх.

— Завтра я днём сплю, — говорит Елена. — После ночи. Послезавтра приходите, только с папой сначала поговори. Я ему вечером напишу.

Она смотрит на часы и резко застёгивает куртку. Арсений провожает её до двери. Я остаюсь одна посреди комнаты, не решаясь положить чужой инструмент, пока открыта входная. С лестницы доносятся быстрые шаги, короткий гул лифта.

Арсений возвращается с моим рюкзаком, который я оставила в прихожей.

— Ты можешь ещё, — говорит он.

— Что?

— Поиграть. Пока ты здесь.

Я снова беру скрипку как надо. Теперь легче дышать: мне разрешили не только проверить, жива ли она. Можно услышать, что получится у меня.

Начинаю концерт не с начала, а с того места, которое вчера просила повторять Софья Михайловна. Пальцы помнят расстояния, но чужой инструмент отвечает немного иначе. На третьем переходе я зажимаю плечо и останавливаюсь.

— Не получается? — спрашивает Арсений.

— Получится.

Я играю ещё раз. Он больше ничего не говорит. Пересаживается к окну и кладёт локоть на подоконник. В стекле отражается часть его лица: бровь, закрывающая глаз прядь, маленькое светлое пятно у виска. Я раньше не замечала, какие у него длинные волосы спереди. В школе они обычно под шапкой или мокрые после улицы.

С третьей попытки переход выходит. Я не останавливаюсь, веду дальше, до конца страницы. Последний звук получается слишком сильным для комнаты. Мне хочется извиниться за него, но Арсений только убирает руку с подоконника.

— Дед так быстро не играл.

— Это не значит…

Я осекаюсь. Он не сравнивает нас. Просто вспоминает.

— Что он играл? — спрашиваю я.

Арсений пожимает плечом.

— Разное. Я названий не знаю.

— Ноты остались?

— В маленькой комнате. Там всё пока вперемешку.

Я смотрю на коробки и сразу представляю, что среди них есть нотная тетрадь. Написанные рукой аппликатуры, старый выпуск этюдов, что-нибудь полезное. Арсений закрывает дверь в маленькую комнату, и я отворачиваюсь.

Пора уходить. Я вытираю струны, расслабляю волос смычка, снимаю мостик. Поднимая скрипку над футляром, замечаю, что внутри она не лежит плотно: под шейкой провалена подушка, сбоку широкий зазор. Для шкафа сойдёт, а по улице в таком я бы не пошла. Но я уже сказала, что буду аккуратной, и не хочу выглядеть человеком, который вошёл в чужой дом и принялся оценивать, что здесь не так.

— Ты из-за футляра не даёшь домой? — спрашиваю я.

— Нет.

Он отвечает без злости, но и без объяснения.

Я застёгиваю исправный замок и оставляю тесьму ему.

Вечером отец действительно разговаривает с Еленой. Я слышу из комнаты только его половину: да, конечно, понимаю, нет, не поедет. На последнем слове я выхожу в коридор.

— Куда не поедет?

Отец закрывает микрофон ладонью.

— Со скрипкой. Они записались к мастеру на десятое апреля. До осмотра никуда её возить не хотят.

— А на урок?

Он убирает ладонь, задаёт мой вопрос и слушает.

— Пока нет. Только дома. Нин, нормальное условие.

Я молчу. До десятого апреля больше месяца. Но без этой скрипки у меня даже месяца нет — одни сорокаминутные окна между чужими уроками.

Отец заканчивает разговор и поворачивается ко мне.

— Договорились?

— Договорились.

— Если понадобится в школу, спросишь отдельно. И у Арсения, и у его мамы. Не потому, что я не верю тебе. Вещь чужая.

— Я понимаю.

Мне кажется, он говорит так долго, потому что не слышал, как она звучит. Услышал бы — радовался вместе со мной. Я возвращаюсь к пюпитру, переставляю лампу, чтобы не было тени на нотах. Послезавтра возьму с собой только папку и мостик. Непривычно легко.

Перед сном приходит сообщение от незнакомого номера.

«Это Арсений. В четверг к четырём. Я буду».

Я сохраняю номер. Сначала пишу «Арсений, скрипка», потом стираю последнее слово. В школе у нас два Арсения, но этот живёт на седьмом, и я всё равно не перепутаю.

«Спасибо», — отвечаю я.

Три точки появляются почти сразу, исчезают, появляются снова.

«Играй то, что тебе надо. Не обязательно то, что дед».

Я сажусь в кровати. Комната уже тёмная, только край одеяла светится от телефона.

Хочется ответить чем-то большим, чем второе спасибо. Сказать, что он не зря разрешил. Что я умею обращаться со скрипкой. Что, может быть, через несколько месяцев буду учиться в училище и это случится в том числе из-за него. Всё это звучит торжественно, как подпись к школьной фотографии.

Я набираю: «Хорошо. В четверг».

Потом ещё долго вижу, как он сидит у окна, пока я играю.

Глава 3

В четверг я прихожу на девять минут раньше и сижу на лестнице, чтобы не звонить. Папка лежит на коленях, снизу в неё через джинсы упирается холодная ступенька. Из квартиры Нестеровых доносится вода, потом кто-то роняет что-то металлическое. Я прислушиваюсь и сразу злюсь на себя. Если Арсений выйдет, будет непонятно, почему я прячусь у него под дверью.

Он не выходит. В четыре ровно я поднимаюсь и нажимаю звонок.

— Ты давно? — спрашивает он, открыв.

— Нет.

У него мокрые рукава до локтей. В прихожей на полу стоят три горшка с растениями, а рядом — таз. Видимо, мыть цветы тоже приходится, когда дедушки больше нет, а мама уходит на сутки.

Я вешаю куртку на свободный крючок и достаю папку.

— Где лучше?

— Там же. Я стол убрал.

На столе действительно нет ни кружки, ни тетради. Футляр лежит подальше от края. Мне становится легче оттого, что меня здесь ждали, и труднее — потому что нельзя просто начать заниматься, как у себя. Надо всё время помнить о человеке рядом.

Первые двадцать минут я играю гаммы. Арсений уносит растения обратно на подоконник, вытирает пол. Когда он проходит за спиной, я сбиваюсь и начинаю с нижней ноты. Когда он перестаёт ходить, сбиваюсь снова: теперь слышно, что он слушает.

— Ты можешь заниматься своими делами, — говорю я.

— Я занимаюсь.

Он сидит за столом с ноутбуком. На экране вытянутые полосы, синие и серые; я их не различаю отсюда.

— Я мешаю?

— Нет. Мне пока слушать не надо.

«Пока» остаётся между нами. Я думаю, сколько у меня времени, и прибавляю темп. На верхней позиции пальцы цепляются друг за друга. Нужно медленнее, но за спиной другой человек, и он должен понять, что зря не дал мне эту скрипку только до апреля. Что на ней можно делать многое.

Я снова промахиваюсь.

Арсений поднимает голову.

— Можно тебя спросить?

Я опускаю смычок, уже готовая объяснять.

— Ты специально играешь одно и то же?

— Да. Чтобы получилось.

— А. Я просто не знал.

Он возвращается к экрану. Ни оценки, ни разочарования. Даже, кажется, не слишком большое любопытство. Я стою с поднятым левым локтем и вдруг чувствую, как он затёк.

На этот раз играю медленно. Через несколько повторений комната перестаёт требовать от меня немедленного результата. Я слышу, где смычок убегает раньше пальца, исправляю, повторяю без остановки. Арсений стучит по клавишам. Внизу включают дрель, потом выключают; я успеваю доиграть длинную фразу между двумя рывками.

К пяти я мокрая под свитером. Хочется снять его, но под ним тонкая майка, и я не знаю, можно ли здесь так просто переодеться. Арсений ставит рядом со мной стакан воды.

— Мама сказала предлагать чай. Но ты, наверное, не хочешь горячее.

Я смеюсь коротко от неловкости, без причины, и сразу перестаю.

— Вода хорошо.

Он не спрашивает, что смешного. Я кладу скрипку в футляр, оставляя его открытым на время перерыва, и выпиваю почти весь стакан.

— А что ты делаешь?

— К школьной выставке.

Он поворачивает ноутбук. На экране дорожки, каждая подписана: «двор», «ступени», «вода», «лифт_2».

— У нас сказали: семейная история. Можно фотографии, можно видео. Я звуком.

— У кого «у нас»?

— У Марии Игоревны. Мы ещё в библиотечный медиаклуб ходим. По субботам.

Я знаю Марию Игоревну: она ведёт историю и просит не закрывать учебником телефон, будто у человека под ладонью может быть что-то другое. Но о выставке я не слышала. В нашем классе говорят только о пробниках и списке желающих остаться в десятом.

— А лифт тут зачем?

Арсений надевает один наушник, второй протягивает мне. В нём чуть тёплая резиновая накладка. Я беру не сразу — у нас в музыкальной школе все делятся наушниками, но здесь почему-то нужно подумать.

Звук начинается с шороха. Потом низкий гул, знакомый щелчок, два коротких удара.

— Это наш?

Он кивает.

В записи лифт кажется ближе, чем в жизни. Я слышу, как дрожит что-то внутри створки. Никогда не замечала. Каждое утро стою в этой кабине, проверяю время, подтягиваю рюкзак, иногда учу слова по английскому — и ни разу не слышала её целиком.

— Ты записал просто так?

— Не совсем. Хочу сделать, как поднимаешься домой. На каждом этаже что-нибудь. Если люди разрешат.

— А на седьмом?

Он смотрит на скрипку.

Я вытаскиваю наушник.

— Ты меня уже записывал?

— Нет.

Ответ быстрый. Арсений показывает лежащий у ноутбука маленький диктофон с поролоновой насадкой. Красный огонёк не горит.

— Могу спросить потом. Если захочешь.

— Я пока не очень… Сегодня гаммы.

— Я слышал.

Он забирает наушник, и я снова боюсь, что сказала лишнее: решила, будто меня уже куда-то записали, оценили, ждут. Арсений открывает другую дорожку. Там слышен мужской голос, очень близкий, но сквозь шипение.

— Это дед. С кассеты. Он проверял магнитофон.

Голос произносит несколько слов, считает до пяти, кашляет. Потом говорит: «Сень, не трогай, я сначала…» — и запись обрывается. Арсений нажимает паузу раньше, чем становится тихо до конца.

— Маленький был, — объясняет он. — Всё время кнопку жал.

Мне хочется сказать, что хорошо, когда остаётся голос. Но я слышу, как плохо это будет звучать от меня. Будто можно выдать человеку утешение вместе с наушником и дальше спокойно играть гаммы.

— А конец есть?

— Нет. Там дальше стёрто.

Я возвращаю стакан на стол. Мы молчим. Арсений смотрит в экран, хотя дорожка неподвижна. Я вижу его руку у тачпада: указательный палец лежит на краю, ноготь неровно подстрижен, на костяшке старая царапина. Теперь мне трудно воспринимать его как просто соседа со скрипкой.

— Можно я ещё минут двадцать? — спрашиваю я.

Он убирает ноутбук чуть в сторону.

— Да.

Я беру инструмент и играю медленную часть пьесы, которую давно знаю. Не для записи. Не для прослушивания. Просто потому, что после того голоса быстрый этюд начинать не получается.

Арсений сидит, опустив глаза. Я не знаю, нравится ли ему, и в этот раз не пытаюсь понять по лицу.

Когда я ухожу, он спрашивает:

— Завтра придёшь?

— Если можно.

— Можно. Только до половины шестого. Мне уходить.

Я записываю время в телефон, чтобы не забыть. Вообще-то я и так не забуду.

В пятницу в школе Саша перехватывает меня у окна. У неё в руках листок с распечатанным расписанием электричек.

— Нам до понедельника надо тёте ответить. Иначе она другую неделю возьмёт.

Саша уже второй месяц собирает нас в июне к своей тёте на озеро. Тётя работает в библиотеке, летом у неё небольшой дом, где можно жить всем втроём: Саше, мне и Кате из соседнего двора. Мы видели фотографии. Деревянный мостик, облупившаяся синяя лодка, стол под яблоней. На каждой фотографии я мысленно стою без пюпитра.

— Я скажу вечером отцу.

— Ты говорила в прошлую пятницу.

— У нас со скрипкой было…

— Я помню. Поэтому вчера не спрашивала.

Она прижимает листок к подоконнику, разглаживает угол. На ладони у неё нарисован чёрной ручкой номер кабинета, куда надо идти на пробник.

— Нин, я не могу за тебя обещать. Если не получается, просто скажи. Мы с Катей вдвоём поедем.

Мне неприятно это «вдвоём», хотя я понимаю, что она не обязана держать всё лето свободным, пока мне вернут инструмент и прояснится училище.

— Получается, — говорю я. — Я хочу.

— Тогда сегодня.

Я киваю. Саша убирает листок, и мы идём на геометрию. Она рассказывает, что будет красить у тёти забор — за это разрешили взять лодку. Я слышу половину: думаю о том, успею ли поесть между школой и четырьмя.

На шестом этаже отец уже дома. Он оставил мне на плите картошку, а сам чинит замок у нашего соседа с площадки. Я ем стоя, говорю ему про поездку через открытую дверь. Он просит не торопиться и назвать сумму ещё раз.

Я называю. Шесть тысяч на дорогу и общие продукты, остальное тётя берёт на себя. Отец стоит с отвёрткой, задумавшись, затем говорит:

— Летом подработаешь немного. В центре занятости школьникам предлагают. Часть я дам, часть заработаешь. Как тебе?

— Подойдёт.

Сейчас мне подходит почти всё. У меня есть время с четырёх до половины шестого, и оно приближается быстрее, чем я доедаю.

Наверх я несу чистую тряпочку для скрипки и закрытую бутылку воды. Арсений открывает сразу. Из кухни пахнет рисом.

— Я закончу, — говорит он. — Ты начинай.

В комнате всё как вчера, но на столе рядом с футляром лежит моя забытая резинка для волос.

Я беру её, собираю волосы на затылке и в первый раз не чувствую себя здесь гостем, которого в любую минуту могут попросить уйти.

Глава 4

В субботу я впервые встречаю Арсения не возле его двери. Он стоит перед библиотекой с рюкзаком на одном плече и пытается застегнуть куртку: ткань попала в молнию. Мимо проходят люди, две девочки из пятого класса оглядываются на него и уходят внутрь. Я замедляю шаг, хотя опаздываю к Рите.

— Дай, — говорю я.

Он поднимает голову и отпускает бегунок.

Мне приходится подойти близко. Между нами торчит его рюкзак, и я прошу снять. Арсений послушно ставит его на сухой край ступеньки. Под пальцами у меня холодная металлическая молния, ткань зажало с изнанки. Я придерживаю её одной рукой, тяну бегунок вниз, потом снова вверх, совсем немного.

— Не получается? — спрашивает он.

— Подожди.

Он стоит неподвижно. Я вижу ворот его толстовки, шнурок, кусочек белой нитки на ткани. Слишком хорошо слышу его дыхание и почему-то стараюсь дышать реже.

Молния освобождается.

— Всё.

Арсений смотрит вниз, застёгивает куртку до подбородка.

— Спасибо. Ты сюда?

— Нет. У Риты позаниматься. По слуху.

— Это та, с косой?

— У неё теперь хвост. Она косу отрезала в январе.

Он кивает, будто ему пригодится это знание.

— Я могу тебя проводить до остановки. Мне туда.

Мы идём рядом. В субботу улица перед школой непривычно пустая: нет автобуса, в котором мы обычно толкаемся, нет родителей у ворот. На остановке дворник раскалывает слежавшийся снег, и лопата каждый раз ударяет о бордюр с металлическим звоном.

Арсений достаёт диктофон.

— Можно? — спрашивает он у дворника.

Тот не сразу понимает. Арсений показывает маленький экран, объясняет про школьную выставку. Дворник пожимает плечами, велит не мешать под ногами и продолжает работу. Я отхожу к ограде, а Арсений приседает у края тротуара. Несколько прохожих смотрят на него. Он не прячет диктофон и не делает вид, что занят телефоном.

Когда он возвращается, я спрашиваю:

— Не неловко?

— Что?

— Вот так просить.

— Бывает. Если не спросить, я потом не знаю, можно ли ставить.

Автобуса ещё нет. Мы смотрим на выцарапанные на стекле остановки буквы. Арсений касается рукавом моего рукава и отодвигается, хотя места достаточно. Я не двигаюсь. Через минуту он снова оказывается ближе — женщина с сумкой проходит за его спиной.

— Ты всегда хотела в училище? — спрашивает он.

— Не всегда. Лет с двенадцати.

— Почему?

Я готова к этому вопросу. Его задавали мама, классная, тётя на мамином дне рождения. Я рассказываю про музыку, про то, что обычная школа закончится, а занятия бросать не хочется. Говорю быстро, гладко. Арсений слушает, и мне вдруг надоедает собственный ответ.

— Ещё там у каждого настоящее расписание, — добавляю я. — Не так, что сначала алгебра, потом бежишь на другой конец города, а вечером уже никакая. Там всё про то, что мне нужно.

— Алгебра там тоже будет?

— Будет. Но меньше.

Я улыбаюсь, и он тоже, едва заметно. Не потому, что смешно, а потому, что на этот раз я говорю с ним, а не с воображаемой комиссией.

— А ты останешься в десятом?

— Скорее всего. Я ещё не решил.

Это удивляет меня. До экзаменов три месяца, а он спокойно говорит «не решил», будто после девятого можно оставить пустое место и не исчезнуть.

Подходит мой автобус. Я поднимаюсь на ступеньку и оборачиваюсь:

— Завтра у вас можно?

— После трёх. Я напишу.

Он остаётся на остановке. Значит, ему было не совсем сюда. Я стою у поручня, пока автобус отъезжает, и смотрю через заднее стекло. Арсений уже идёт обратно к библиотеке, поправляя рюкзак на плече.

Рита замечает моё настроение, как только я снимаю ботинки.

— Нашла инструмент?

— Да. У соседей.

Я рассказываю ей про скрипку, про дедушку, про то, что приходится ходить наверх. О молнии и остановке не говорю: это слишком мало, чтобы рассказывать, и слишком заметно, если начать.

— Хорошо, — говорит Рита. — А та, которую я спрашивала, продана ещё зимой.

Я уже не расстраиваюсь. Рита подвигает стул к пианино, кладёт передо мной карандаш. У неё дома пахнет мандариновыми корками: мать сушит их на блюдце у батареи. На пианино стоят семейные фотографии, одна перевёрнута стеклом вниз, чтобы не дребезжала.

Мы занимаемся до двух. У Риты хорошо выходит гармонический анализ, у меня лучше слуховые интервалы. По отдельности мы способны уверенно получить разные тройки. Вместе удаётся разобрать весь список, и всё же под конец я путаю обращение аккорда.

— Ты торопишься, — говорит Рита. — Дослушай бас.

— Я слышу.

Она повторяет. Я снова отвечаю до конца и снова ошибаюсь.

Рита убирает руки с клавиш.

— Нин, я не спорю с тобой. Я знаю, что нажала.

Мы смотрим друг на друга. Мне хочется сказать, что пианино у неё расстроено. Оно действительно немного расстроено, но сейчас дело не в этом.

— Ещё раз, — прошу я.

Она играет. Я жду, пока перестанет звучать нижняя нота, и только потом записываю ответ.

Дома отец спрашивает, почему я пришла так рано, если собиралась гулять с Сашей. Я вспоминаю про сообщение, которое отправила утром: «После Риты напишу». Саша уже прислала фотографию — они с Катей у реки, на перилах моста лежат их варежки.

Я пишу, что закончила. Ответ приходит минут через пятнадцать: «Мы назад. Уже холодно».

Я сижу на полу возле кровати и не знаю, на кого сердиться. Ведь я не обещала точное время. Но телефон всё утро лежал у меня в кармане, я достала его только возле библиотеки, чтобы проверить, не написал ли Арсений.

В воскресенье занятие не получается. Елену вызывают на дополнительную смену вечером, и днём ей нужно поспать. Арсений пишет в половине первого, когда я уже собрала папку. Я читаю сообщение трижды.

«Можно тихо?» — набираю я и стираю. Тихо для скрипки всё равно не тихо для человека в соседней комнате.

Отец застёгивает рабочую куртку.

— Что случилось?

— Ничего. Сегодня нельзя наверх.

Он задерживается в дверях, потом звонит Елене. Я слышу её усталый голос даже с другого конца кухни. Отец говорит недолго, не уговаривает. Спрашивает, можно ли на день спустить инструмент, раз у нас пусто. Обещает сам поднять обратно.

Я замираю у стола.

Через несколько минут звонят в дверь. Арсений стоит на площадке с футляром. Теперь, когда он у нашей двери, я не сразу понимаю, куда деть руки.

— Мама согласилась, — говорит он. — Только обратно сегодня.

Отец принимает футляр у него и приглашает войти. Арсений снимает ботинки, замечает прислонённую к стене кухонную дверцу.

— Вы столяр?

— Да. Если по-хорошему, мебельщик. Но кто что принесёт.

Арсений смотрит на деревянные пробки в старых отверстиях, а отец неожиданно начинает объяснять, как они держат петлю. Я стою у комнаты с футляром и слушаю, как эти двое разговаривают о вещи, которая ещё вчера меня раздражала. Арсений задаёт вопросы точно, без желания показаться взрослым. Отец отвечает охотно.

Наконец он уходит на работу, и мы остаёмся вдвоём.

— Тут, — говорю я, хотя моя комната единственная с открытой дверью.

Арсений проходит за мной. На кровати лежит школьная форма, под столом стоят кроссовки. Я успеваю убрать только свитер, бросаю его на стул и тут же понимаю, что Арсению теперь некуда сесть.

— Можно на кровать, — говорю я.

Он садится на самый край. Я ставлю футляр на стол, сдвинув учебник алгебры. Арсений осматривается, замечает лист с требованиями училища на стене, календарь с красными отметками.

— Это всё выступления?

— Где красным — занятия. Синим — пробники. Вот здесь выпускной по специальности.

Он наклоняется, чтобы прочитать мелкую запись. Я стою рядом, и наши плечи почти касаются. В его квартире мне было проще. Там я знала, зачем пришла. Здесь он видит всё, что я не успела специально выбрать и показать.

— Ты можешь не оставаться, — говорю я. — Если дела.

Арсений поднимает глаза.

— Я могу остаться.

Я отворачиваюсь к футляру, но он ещё несколько секунд не отводит взгляда. Я чувствую это, даже не проверяя.

Сегодня у меня получается больше, чем в четверг. Я знаю каждый скрип пола, каждое движение света на нотах. Арсений лежит поперёк кровати, подложив под голову свой рюкзак, и читает с телефона. Когда я заканчиваю, он не сразу замечает тишину. Мне нравится, что ему можно не слушать каждую ноту и всё равно оставаться.

В шесть мы вместе несём инструмент наверх. Елена уже проснулась и пьёт на кухне кофе. Она слушает, как Арсений говорит, что у нас удобно, и кивает.

— Можно теперь так, когда мне надо спать. Только отмечайте, где он. Я не хочу искать по дому.

— Мы будем писать, — отвечает Арсений.

Я успеваю только поблагодарить. Ночью, когда беру телефон с зарядки, там уже сообщение:

«Завтра тебе к пяти принести?»

Мне хочется, чтобы принёс. И очень хочется не думать сейчас, что именно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.